

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111+141.32

Экзистенциальный смысл доверия

Е. В. Биричева

Институт философии и права — Уральское отделение Российской Академии наук,
Российская Федерация, 620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

Для цитирования: *Биричева Е. В.* Экзистенциальный смысл доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 4–17.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101>

Изучая кризис доверия в современном обществе, исследователи в области социально-гуманитарных наук отталкиваются от различных определений данной категории, что затрудняет сопоставление результатов и четкое понимание сущности феномена. В связи с этим поиск фундаментального смысла доверия представляется актуальной задачей. Однако при обращении к философской литературе было обнаружено, что на протяжении истории мысли этой категорией пользовались как самопонятной, разбирая феномены либо противоположные (ложь и обман), либо смежные, но нетождественные (вера, верность, уверенность и т. п.). Целесообразно было вести данное исследование на онтологическом уровне, задействуя герменевтический и экзистенциальный методы анализа, в результате которых удалось, с одной стороны, показать отношения доверия с этимологически родственной истиной, а с другой — понять его природу и сформулировать определение, отражающее его базовый смысл. Доверие открывает человека истине (от всего отдельной, потому не обеспеченной в словах или поступках), поэтому оно было обозначено в качестве «переключателя» в режим открытости ее свету, который не меняет ни слова, ни положение вещей, но позволяет проверять собственные конструкты на ложность и непродуктивность. В этом ключе доверие исследовано не как характеристика отношения к другим: базовый фон любого отношения — открытие себя «уровню» правды как полноты реальности, ее подлинности. В этом свете на актуальных в текущей ситуации примерах были продемонстрированы экзистенциальные аспекты доверия, исследована специфика страхов, побуждающих к недоверию, а также сформулированы некоторые рекомендации по преодолению этих страхов и построению максимально надежных, неконфликтных, доверительных отношений.

Ключевые слова: доверие, понятие доверия, истина, правда, ложь, обман, открытость, проверка, страх, экзистенциально-феноменологический подход.

Введение

В эпоху так называемой постправды современную ситуацию все чаще характеризуют деструктивными тенденциями кризиса доверия на всех уровнях отношений — от межличностных до международных [1]. Исследователи в области социально-гуманитарных наук активно выбирают доверие в качестве объекта изучения: диагностируют доверие к социальным институтам, к власти, доверие в высшем образовании; рассматривают как заслуживающие доверия (trustworthy) банки, искусственный интеллект и т. д. [2–7]. Однако во всех подобных работах под феноменом доверия (если ему вообще дается определение) подразумевается разное. Например, доверие определяют как уровень субъективной оценки действий других [8, с. 54]; признание добросовестности, предсказуемости, честности, солидарности других людей [9, с. 62]; механизм создания атмосферы взаимопонимания [10, с. 57] и массой иных способов. Плюрализм трактовок затрудняет сопоставление эмпирических данных и теоретических выводов в работах, посвященных различным аспектам по видимости одного поля проблематики. Так, актуальной представляется задача поиска «общего знаменателя» в понимании доверия, огромную значимость которого для человеческого бытия в целом подчеркивают все исследователи этого феномена.

Целесообразно осуществлять такой поиск на наиболее фундаментальном, экзистенциальном уровне. В психологическом, социальном, политическом, экономическом, межкультурном измерениях, безусловно, обнаруживаются проявления доверия. Однако здесь они представляют собой уже следствия выражения исходной экзистенциальной позиции. Во многом ввиду этого предлагаемые исследователями определения схватывают каждый раз разные грани доверия, являющиеся производными от его исходного целостного и неделимого смысла. Тем не менее обращение к философской традиции осмысления глубинного существа доверия дает неожиданный результат. «О том, что такое вера во всех ее ипостасях, миллионы людей размышляют и спорят тысячелетиями. <...> Совсем другая ситуация с доверием, — начинает А. Чупров исследование доверия на онтологическом уровне, практически единственное в своем роде. — Даже среди поговорок и пословиц я не смог найти ни одной о доверии, кроме: “Доверяй, но проверяй”. Да и та, в сущности, не о доверии, а про возможность обмана» [11]. С чем же связана ситуация нехватки философских работ, посвященных прояснению смысла этого экзистенциально значимого понятия, которое, не совпадая с верой, не может быть объяснено через нее?

Степень (не)разработанности вопроса о смысле доверия

Отчасти данную ситуацию можно объяснить отсутствием «прописки» категории доверия в ряду философских дисциплин. Несмотря на то что в реальных отношениях доверие (или недоверие) становится основанием многих поступков, само понятие редко попадает в фокус непосредственного интереса специалистов по этике. Данная категория вряд ли может быть оценена в терминах блага: с позиций утилитаризма, деонтологии, аретологии и иных этических подходов затруднительно однозначно определить, доверять — это хорошо или плохо (доверие может как обернуться спасительным благом [12, с. 69], так и быть обманутым, а доверчивость — даже опасной [13, с. 41–42]). Теория познания, пожалуй, также не предла-

гает исчерпывающего объяснения доверия: знание, знакомое, рациональное, безусловно, способны служить основанием доверия [14, с. 155], но нередко причины доверительного отношения (в том числе к знанию) носят иррациональный характер [15, с. 234]. Более того, доверие может возникать на территории нехватки знания — в качестве компенсации его невозможности или необязательности (к примеру, мы доверяем своему телу, не зная в точности, какие биохимические и физиологические процессы стоят за управлением его движениями [16, с. 279, 373]). Естественным представляется постулирование доверия как необходимого основания здоровой коммуникации и позитивных общественных действий в социальной философии [17, с. 76, 78–79], в аксиологии — как несомненной базовой общечеловеческой ценности, обеспечивающей «мир между народами, свободу, равенство, справедливость, гуманность, благосостояние людей, просвещение, развитие личности» [18, с. 87]. Наконец, в обильной онтологической и эпистемологической литературе исследуются такие смежные понятия, как вера (не только религиозная) и уверенность (в мнении, представлении), смысл же отличной от них категории доверия практически не концептуализируется.

Тем не менее говорить о том, что проблематика доверия была в истории мысли совершенно обделена вниманием, пожалуй, некорректно: «...есть вещи, которых не замечаешь, пока с ними всё в порядке: артериальное давление, уровень сахара в крови... или доверие в окружающем обществе. И только проблемы, возникающие в связи с ними, делают их предметом рефлексии» [19, с. 70]. Безусловно, современность специфична потерей единых мировоззренческих ориентиров, следовательно, острыми кризисами и плюрализмом позиций. Однако сам автор процитированной статьи сопоставляет сегодняшний кризис доверия с таковым в эпоху Возрождения, обнаруживая в основаниях становящегося новоевропейского типа мышления «тотальность лжи» [19, с. 70]. Возможно, напротив, доверие и недоверие обсуждались если не во все, то, по крайней мере, в «поворотные» времена? Параллель с охватывающим обществом сегодня кризисом доверия можно провести как глубже в европейской, так и, например, в не столь древней юго-восточноазиатской истории: поразительно сходными видятся черты эпох и самоощущение человека в поздней Античности и в Японии периода Эдо [20, с. 552–553]. Идеал искренности и верности самураев выстраивался в противоположность распространению оскорблений, споров и ссор, зависти, подозрительности, клеветы и т. д., масштабы которых нередко разрастались до междоусобных войн [21, с. 12, 13, 18, 21–22, 42–45, 56, 61]. А читая трактаты римских стоиков, можно удивиться: не нашу ли современность они описывают?

К примеру, в своих письмах и этических работах Луций Анней Сенека дает подробную характеристику смятенного римского общества [22, с. 13–14, 23, 29, 41–43, 47, 53–57]: «...в тот век, когда старинная доверчивость была давно отброшена и человеческое хитроумие достигло вершины всякого искусства» [22, с. 68]. Насколько же в древность тогда отодвинуто превалирование доверительных отношений между людьми? Однако в целях налаживания социального взаимодействия мыслитель советует своим недоверчивым современникам: «Нужно истреблять в своей душе подозрение и всевозможные догадки, раздражающие нас и сбивающие с пути больше всего другого... У подозрительности никогда не будет недостатка в доводах. Нам нужны простота и благожелательное толкование событий» [22, с. 138]. Таким

образом, ощущение непродуктивности жизни в режиме гиперподозрительности характерно не только для эпохи после постмодерна, поэтому представляется не совсем корректным связывать недостаток философской литературы, определяющей смысл доверия, с тем, что с этим феноменом стало «что-то не так» лишь в последнее время. Вместе с тем неясной остается причина, по которой даже самые выдающиеся мыслители использовали данную категорию как самопонятную, не предлагая ее дефиниций.

Топология доверия

Возможно, подобраться к базовому смыслу доверия удастся, рассмотрев, к каким феноменам оно близко и каким противопоставляется. Этимологически русские однокоренные со словом «вера» относятся к праславянскому *věra, в свою очередь заимствованному из латинского *vērus*, *истинный*. В английском так же *trust*, *доверие*, имеет одно происхождение с *truth*, *правда*, *true*, *истинный*, и *tree*, *дерево* (в том числе в смысле древнегреческого ὄλη, *сырая древесина*, взятого Аристотелем для обозначения *материи*). Возможно, поэтому в «правде» на этих языках до сих пор сохраняются смыслы твердой, крепкой первичной основы. Вместе с родственными аналогами в других европейских языках «вера» и «правда» восходят к одному праиндоевропейскому корню *drewh₂-. Имеющее то же происхождение «немецкое *wahr*, *истинный*, этимологически родственно нашему *верный*, и в той мере, в какой есть отдаленная историческая связь между *wahr* и *wahren*, *хранить*, в немецком слове *истина* (*правда*) есть значение сбережения» [23]. Так, с одной стороны, язык намекает на достаточно интимную связь доверия с правдой-истиной, предполагающую отношение некоторого доступа к ней как к первооснове, но бережное, охранительное. С другой — закономерным в философских текстах, упоминающих проблему доверия, представляется противопоставление его лжи и обману [11; 17; 19]. Однако диалектические противоположности последних (правда, истина и честность, искренность) могут, скорее, возникать в ситуации доверия, или доверительное отношение может располагать к их возникновению. Несомненно, это феномены тесно связанные и сложным образом переплетенные, но не тождественные. Целесообразно поэтому подробнее рассмотреть взаимоотношения доверия, правды-истины и лжи-обмана.

Притом что многие беды происходят от доверия обманщикам и лгунам, вряд ли бороться с неправдой и недобросовестностью покажется разумным с помощью доверия. (В этом на самом деле есть глубокий смысл, хотя на абсолютный риск такого шага способна решиться разве только спасительная мощь детской души, редкая в среде рассудительных взрослых.) Тем не менее ложь и обман сами по себе не способны загнать человека, по крайней мере раз и навсегда, в состояние тотального недоверия — даже по отношению к тому, кто уже подводил. В конце концов, не доверяя, например, подозрительной личности, мы доверяем своей интуиции, угадывающей вероятную опасность связи с таким человеком. В состоянии абсолютного недоверия человек не мог бы сохранить психическое здоровье, поэтому некая «зона» доверия остается. Философия, со времен Ф. Ницше доводящая до всевозможных пределов картезианский принцип сомнения, все же интуитивно доверяет собственной несомненности. Тут становится заметно, что у сомнения и доверия

отношения взаимные, но не обратимые (в плане противоположности). Подозревая и задаваясь вопросами, мы все же доверяем своему «внутреннему» зрению и своей способности спрашивать. Сомнение (в смысле проверки, в том числе самопроверки), как и доверие, не обманывает, но здесь с толку сбивает то, что детское доверие — несомневающееся.

В классическом примере по этике родитель обманывает ребенка, выдавая за сладкое горькое лекарство, которое для выздоровления необходимо срочно принять. Перестанет ли чадо совершенно доверять самому близкому человеку после этого акта лжи? В другой раз ребенок не сообщает правду, к примеру, о случае, с которым надеялся разобраться сам, и, выяснив утаиваемое, родители сетуют на то, почему он им не доверяет. Возможно, он не хотел беспокоить их своими проблемами, которые в его глазах играли роль материала для «пробы пера» в самостоятельном поступке? Это не имеет ничего общего с проблемой доверия... родителям — но не себе. Достаточный уровень уверенности в своих силах рождается только в результате осуществления собственных практических актов, самопроверки на уровне поступков, формируя базовый «фон» любого проявления как доверия, так и недоверия к другому — доверие к себе. Познав обман, ребенок тем не менее ищет безусловную опору (интересно, что проверкой) и, поскольку любой внешний критерий оказывается неподходящим, интуитивно приходит к тому, что опираться нужно на что-то в себе. Однако и собственная интуиция способна подводить, а ощущения тела (особенно в случае нарушения нормальной работы органов чувств) и захватывающие эмоции нас самих обманывают, возможно даже чаще, чем другие люди. В конечном счете, если присмотреться, все — так или иначе, рано или поздно, много или мало, во благо или со злым умыслом, осознанно или нет — врут, в том числе сами себе, и (Ф. Ницше показал ужас голой правды) страшное дело: мы не смогли бы жить в обществе, в котором все говорили бы только правду и никто ничего не утаивал бы. Эту парадоксальную черту, выпуклую благодаря своей скандальной «бескорыстности», А. А. Гусейнов выделяет в качестве особенности отечественного менталитета: люди врут просто так, низачем, не пытаясь извлечь для себя выгоду [24, с. 97–100]. Но насколько «лучше» культуры, в которых большинство обманывает ради извлечения для себя пользы? И самое главное: каким чудом, на каком основании тогда существует в человеческой среде доверие, вновь и вновь возникая вопреки «тотальной лжи»?

Обсуждая эти феномены, В. В. Бибихин находит «более прямое объяснение» «для человеческой лжи, которая в России имеет, возможно, лишь свои самые броские формы... Человеческому слову нелегко дотянуться — это удается редко только поэтам, мыслителям и пророкам в их загадочной речи — до странности софии... Суть дела всегда скрыта. Ощущение ее неуловимости создает заранее ожидание неудачности почти всякой изреченной мысли. Пропитываясь этим ожиданием, но не желая разлучиться с неуловимой сутью вещей, говорящий начинает подражать тайне вещей и вбирает сокрытие в себя. <...> На него как на человеческого говорящего само собой так или иначе распространится ускользание сути дела» [23]. Топологически такие «горячие», и по видимости, сплавленные друг с другом феномены, как правда и доверие, оказываются глубже или просто на другом уровне, в другом измерении, чем наши речи, догадки, размышления, предположения и т. д., словом, конструкции. Такие вещи, в отличие от схем-представлений, фраз-набросков, не

даются в руки: их нельзя иметь, при них можно только быть. Говоримое в свете истины будет настоящим, но не самой правдой, которая скорее может давать говоримому основания и этим «содержать в себе» его, чем «содержаться» в нем. Тогда нельзя надежды и ожидания называть похожими на доверие или определять его через них: они — тоже всего лишь наши представления (во многом иррациональные, интуитивные), которые, хотим мы это признать или нет, являются иллюзиями (пусть порой они и продуктивны). Знание в своей рациональной форме находится на «уровне» схем-конструктов, поэтому доверию, связанному с истиной, для своего существования безразлично, знающее оно или нет. Не потому оно — доверие, что мы знаем и уверены или, напротив, рискуя обмануться, компенсируем им свое незнание; оно вообще, как говорит само слово, «до» *веры* (любой, которая по-древнегречески *πίστις*, однокоренная с *ἐπιστήμη*, *знанием*), т. е. «по ту сторону» от знания. Поэтому настоящее доверие не убивается обманом и не опирается на «знакомое», тем более — рациональное, поскольку они вторичны по отношению к истине в том смысле, что проявляются лишь в ее свете.

Какие же все-таки у доверия отношения с истиной? В отличие от отдельности, предельности и «твердости» правды как некоего основания¹, доверие — это, скорее, состояние, в котором мы можем оказаться, или режим существования, открывающий доступ пребыванию на «уровне» истины. Если истина как то, в свете чего мы можем видеть, топологически у нас «за спиной», то доверие — акт решимости не закрывать глаза, даже если свет этот ярок до боли, открыть глаза, или, проще: открыться, открыться себя для пропускания этого света. Доверия, неслучайно созвучного со словом «дверь», нет в «метрическом» пространстве дискурсов и обстановок, потому что оно — не занимающий места переключатель, который ничего ни в словах, ни в вещах не меняет, но способен менять наше видение одного и того же. Ввиду своего такого «положения» доверие относится не к содержаниям, но к обращению с ними, к способу иметь дело с тем или иным выражением, событием, поступком. Этим же доверие отличается от верности, которая предполагает следование неким содержаниям как принципу, правилу поступать — обычно обещанию, данному гласно (например, другу — поддерживать, навещать его) или негласно (например, партии — действовать в соответствии с ее идеологией) [25]. Доверие же (другу, партии и чему угодно) — это бессодержательная открытость, готовая иметь дело с любыми содержаниями, возникающими в отношениях с этим актором или феноменом. Тогда и «объект» доверия (кому/чему мы доверяем) находится «с другой стороны» от традиционно подразумеваемых под ним человека, организации или суждения: это истина или, точнее, собственная способность при ней пребывать. Последняя, в свою очередь, от рождения обеспечена каждому живому существу самим фактом «принадлежности» бытию (истина — «естина», от слова *есть* [26, с. 63]), или, другими словами, фактом бытия-собственным-способом [27, с. 13, 18–19] (уникальную данность которого никак не поменять, какие бы желания и попытки его удовлетворить ни возникали в этом направлении²).

¹ Истина (правда) во всей традиции мысли относится к ряду таких «вещей», которые *одниотдельно* (аб-солютны), поэтому нельзя сказать, рациональна она или иррациональна, — она «находится» до или по ту сторону от подобных разделений.

² Можно перестать хотеть быть собой, но невозможно перестать собой быть, даже имея такое желание, поскольку «собой» — это не «кем/чем (я являюсь)?», но «как (я делаю все, что я делаю)?».

Однако нередко мы попадаем в такие ситуации, когда истинное положение дел, даже если о нем сообщить, покажется неправдоподобным и вроде бы доверяющий человек не поверит словам или даже увиденному своими глазами по причине невероятности этого в его «картине мира». Анализируя данный феномен, М. К. Мамардашвили приводит пример: «Скажем, женщина находится в комнате гостиницы с любовником и по какому-то делу звонит мужу. Муж ее спрашивает: “Где ты?”. Она отвечает: “С любовником”. Какова его реакция? “Ну что ты вечно какие-то глупости говоришь...” — он не поверит. А она сказала правду. <...> Если бы муж поверил... — это был бы чистейший акт мужества... Мы очень часто думаем правду, только выбрасываем ее из головы, потому что боимся ее» [28, с. 29]. Подобное происходит, когда мы сталкиваемся с каким-то из ряда вон выходящим событием или ужасом чего-то крайне негативного для себя, говоря «это не я... это не со мной» [23]. В случае настоящего доверия как открытости пребывания при истинной сути дел доверяющий рассмотрит сказанное или случившееся в его чистоте как действительное (не заслоняя суть своими представлениями, страхами и желаниями, независимо от «вписываемости» его содержания в собственную систему ожиданий) и начнет с мужества принятия (или акта согласия: пусть будет так). Тут доверие может показаться «авансом» или «кредитом» другим людям или ситуации [11], однако это вовсе не ожидание соответствия их слов и поступков или законов и событий реальности собственной «картине мира». Доверие — режим бытия-в-открытости, который не расширяет границы ответственности за пределы своего способа быть. Детское доверие, еще не знающее «метрики» лжи и обмана, в этом смысле «безответственно», поскольку возлагает полную ответственность на того, кому ребенок доверяет. Тогда и проверка, которая в известной пословице противопоставляется доверию, — вовсе не его противоположность, если предполагает чуткое всматривание в ситуацию, говорящего человека или свои силы-возможности. Может, пословица не противопоставляет доверие проверке, а напоминает о необходимой их связи для ответственного бытия? Открывшись чему-то, мы этим актом переключения в режим доверия легитимируем его в качестве действительного — и этим же «просвечиваем» его на «настоящность»: устоит ли в свете истины?

Страх и «предмет» доверия

Однако ввиду отдельности истины постоянное сознательное пребывание при ней нам не гарантировано, более того, испытывая страх, мы сами для себя захлопываем туда дверь. Почему мы так боимся, что способны отшатнуться от правды, даже если она очевидна? Что мы доверяем, когда доверяем кому-то или чему-то (за что так страшно)? Поскольку истина — не то, что можно «положить в карман», видение того, правда перед нами или нет, безусловно, не дается само собой (без усилия открытости свету истины для проверки представшего на подлинность). От этого страха возможности не распознать подделку или, напротив, убедиться в ненастоящести чего-то милого сердцу люди закрываются и перестают доверять «внешнему» в целом. Это парадоксальный шаг, поскольку в состоянии закрытости совершенно ничего нельзя распознать. Ошибочно кажется, что если отгородиться от «внешнего», то внутри сохранится свет истины: к правде (в том числе собственного бытия) всегда интуитивно срабатывает охранительное отно-

шение. Тем не менее в силу принципиальной отдельности источника свет — не такая «вещь», которую можно заключить и сберечь внутри границ, не говоря уже о проблематичности для человека отделить «внешнее» от «внутреннего» (наш внутренний мир — в большой степени продукт взаимодействия с внешним, поэтому ин-дивидуальное — то, в чем каждый *не-делим*, — скорее сама граница, его способ бытия, чем «содержание»: скорее «как?», чем «что?»). В состоянии панической закрытости остается лишь изготавливать конструкты, но в этом случае высок риск подделки, если их не проверять открытостью истине.

Поскольку совсем не доверять «внешнему» означает прекратить любые контакты с миром, а это практически невозможно, даже закрывшийся человек будет периодически доверять кому-то или чему-то, находящемуся вовне. Это объясняет феномен восприятия информации из одних источников и благосклонности к ним и невосприимчивости, отторжения других: открытость возникнет только к тем, чьи конструкты похожи на собственную картину мира и могут вписаться в нее, не расшатывая основополагающие интуиции и привычный образ действительности. Тогда для испугавшегося и закрывшегося истинность или ложность информации определяется примериванием последней к собственным конструктам, но не открытостью полноте реальности. Надо сказать, что любой конструкт в силу своей содержательности принципиально ограничен и не может вобрать в себя всю действительность в ее полноте и парадоксальности. Однако это не означает, что все наши конструкты ложны. Легче всего это положение продемонстрировать на примере произведения искусства: добротная статуя, картина, мелодия или повесть — безусловно, конструкты, но это не ложь в той мере, в которой они открывают доступ пребыванию на уровне истины. То есть если благодаря произведению искусства человеку может открыться понимание смысла произошедшего с ним события, «закона» психической жизни, испытываемого чувства или, напротив, отсутствовавшего в личной жизни опыта, то такое видение предполагает действенность, продуктивность произведения как инструмента, в этом смысле — его истинность. Если понимание случилось, оно расширило душу для прохождения через нее света истины, благодаря чему мы испытываем величайшую радость, даже если понятое печально по своему содержанию. Аналогичное происходит и в случае добротных научных теорий, религиозных положений, философской мысли и любого человеческого деяния.

Возвращаясь к доверию, отметим, что без каждый-раз-проверки на продуктивность выхода к смыслу, обогащающему, очищающему видение и расширяющему горизонт, любой конструкт рискует превратиться в подделку, которая вместо открывания свету истины станет шторкой, отгораживающей «внутренний мир» от реальности. Вместе с тем хотя бы частичное закрывание также неизбежно, поскольку действительная полнота реальности включает в себя не только хорошее, правильное, полезное и т. д., но и плохое, беспорядочное, опасное и т. п., с чем страшно иметь дело. Надо обладать мужеством Сократа, чтобы находиться в постоянной открытости и ради пребывания при свете истины отдавать предпочтение абсолютному риску прозрачного парения над бездной, а не хвататься панически за то, что создает иллюзию устойчивости «внутреннего мира». Собственно, поэтому большинству милее созданные конструкты, которые редко подвергаются проверке и корректировке при необходимости, вместо статуса инструмента выхода к истине

получая роль картинки. Так дороги человеку именно они как собственные детища или просто привычные и удобные схемы, поэтому каждый опасается, что этот ценный для него «внутренний мир» с найденными решениями и красивыми образами разрушат, показав, что это всего лишь конструкты, и придется иметь дело с реальностью как она есть. Поэтому свои представления начинают скрывать, даже если содержания их нечего стыдиться. Но стыдно в этой ситуации неизбежно становится — за утаивание неправомерного превращения инструментов воображаемого в идола. Оттого люди сами начинают хитрить и врать, хотя изначально именно от «внешних» лжи и обмана надеялись схорониться в своем мирке.

Доверяемое всегда — цель сама по себе, оно обладает в глазах доверяющего ценностью самостоятельной и безусловной. Этим объясняется видимое снижение доверия в «поворотные» времена: кризис общего мировоззрения предполагает поиск новых оснований, появление разных конкурирующих картин мира, множество непривычных конструктов, доказательства непродуктивности старых затершихся представлений и т. д., из-за чего круг лиц, которым каждый готов доверить свой драгоценный «внутренний мир», сужается до непосредственно знакомых, имеющих сходную картину мира или, по крайней мере, уважающих право каждого иметь свою и не интересующихся ее составом у других. А потому в ситуации отсутствия единства общественных представлений установка на недоверие к любому незнакомцу и настороженность даже по отношению к знакомым закономерна. Знакомство — всегда риск в той мере, в какой предполагает взаимную проверку. Выше уже было отмечено, что проверка всегда сопутствует ответственному доверию (и не случайно это одно-коренные слова), теперь же уточним: страшно доверие не столько проверкой другого на достойность открыться ему, сколько проверкой себя — на «настоящность». Хотя даже если самопроверка успешно проходит, небезопасно, особенно в кризисные периоды, напрямую через себя нести напоминание о проверке светом истины другим, обманывающимся в подмене безусловного основания конструктами, но больше всего ими дорожающими и хватающимися за них как за «свое». Доверяя, мы в пределе доверяем себя в качестве «предмета» доверия. Большинство боится, потому что под этим «себя» подразумевает содержание своего «внутреннего мира» — обреченное на хрупкость, естественно, в статусе «картинок» уязвимое в силу своей принципиальной неполноты, вторичности, несамостоятельности (ведь оно не может заменить собой неисчерпаемое бесконечное многообразие реальности).

Не бояться можно лишь за такого себя, который, не являясь конструктом, производит конструкты (в том числе представления о себе) и так или иначе обращается с ними, заключает «внутренний мир» и неизменно присутствует при всех изменениях. Доверять по-настоящему, следовательно, означает максимально совпадать с собой как способом бытия, не отождествляясь с содержаниями и становясь чистым «окошком» (в смысле обрамления-границы), дающим сквозь себя как можно более беспрепятственно течь тому, чья мы собственность [26]. Этому предельному «объекту» можно не бояться доверять. Именно поэтому дети поначалу не находят ничего недостойного доверия и, когда они начинают практиковать человеческий способ восприятия и развивать воображение, приходится учить их различению. Это знакомит с доверием, отвечающим за настоящесть собственного бытия³, од-

---

³ Того, что мы выше назвали ответственным доверием.

нако ставит задачу «сизифова труда» постоянного преодоления соскальзывания в закрытость от страха обнаружения отдельности истины. Во многом этим объясняются феномены родительской проверки и дружеского «подкола», которые призваны стимулировать у самых дорогих людей развитие способностей к распознаванию настоящего, истинного и сохранению бдительности. В этих случаях человек не перестает доверять близким, скорее укрепляя свою связь с ними, поскольку чувствует, что они заботятся о самом ценном, даже если бывает больно от разрушения иллюзий или стыдно за акты закрывания (перед собой — от истины прежде всего, не от других).

Заключение

Сенека уверен, что «лучше обманываться в ком-то, чем перестать ему доверять» [22, с. 138]. Несмотря на то что слепое доверие может навредить, практикование открытости дает шанс обеим сторонам вернуться на уровень истины. Обманщик может опомниться, сквозь любые мнимые выгоды увидев высшую ценность совпадения с собой [27, с. 18] (а лжец, зная о своей лжи, неизбежно разделяется сам с собой на того, кто обманывает, и того, кто делает вид, что честен). По видимости, доверяющий может рисковать связями с дорогими ему людьми, своим материальным благополучием, здоровьем или даже жизнью. Однако того, кто «знает свое» [22, с. 66–85], ответственное доверие спасает, по крайней мере, от самых неблагоприятных исходов. Даже безответственное доверие, в том числе порожденное собственными иллюзиями, обладает огромной силой⁴, поэтому самое страшное, чем доверяющий рискует, — это представления о честности лжеца, разрушение которых — хотя и болезненный, но продуктивный опыт. Он способен научить чуткости проверяющего доверия, вектор которого направлен прежде всего на себя. В этом случае происходит распознавание собственных представлений: те из них, что окажутся неработающими, ограничивающими душу или заслоняющими полноту реальности, следует отсечь. В частности, продуктивно допущение действительности самообмана по типу мужчины из примера Мамардашвили, который бы принял слова жены о любовнике за чистую монету, а не за глупую шутку. Безусловно, производить подобные операции с собой больно: этому препятствует страх расставания с дорогими людьми после распознавания ненастоящести отношений с ними, страх одиночества, непринятия и т. п. Как ни парадоксально, спасти от них может только более фундаментальная тревога — опасение не жить настоящей жизнью.

Когда человек привыкает, доверяя «естественному свету» истины⁵, разрушать свои непродуктивные конструкты, а значит, избавляться от обмана, прежде всего в себе, обмануть его извне становится практически невозможно. Наконец, распознавание ложного в себе полезно еще и тем, что открывает возможность максимально теплого, понимающего и прощающего отношения ко всем другим в свете единящего нас труднейшего опыта борьбы со страхами и иллюзиями. В связи с этим в периоды мировоззренческих кризисов, когда имеют место плюрализм и острая конкуренция противоречащих друг другу картин мира, заметно снижение уровня доверия в обществе, к социальным институтам, экономическим структурам и т. д.

⁴ Прекрасная иллюстрация этого — фильм «Ночи Кабирии» (Федерико Феллини, 1957).

⁵ Метафора Р. Декарта.

Обеспечить преобладание в отношениях настоящего доверия можно только практикой выхода на «уровень» истины, потому что какие бы продуктивные нарративы для построения разделяемой большинством картины мира ни были созданы, они не смогут объяснить все, не вместят в себя всю полноту действительности и с изменением обстоятельств перестанут работать. Со временем изменяется и понимание языка, ранее работавшие объяснения могут оказаться непродуктивными для новых поколений, представители которых, сталкиваясь впервые на своем опыте с трудностями, должны сами совершать собственные практические акты, чтобы действительно понимать и поступать. Безусловно, представления нужны человеку для ориентирования в мире, однако не следует забывать их инструментальную функцию, гибко трансформируя их и не превращая в идолы.

Литература

1. Карабыков, А. В. (2017), Под знаком «пост-истинного»: культур-философский комментарий к слову-лауреату 2016 года, в: *Россия и мировые тенденции развития. Материалы международной научно-практической конференции*, Омск: Омский государственный технический университет, с. 55–60.
2. Амбарова, П. А., Зборовский, Г. Е. и Шаброва, Н. В. (2019), «Старое» и «новое» доверие в высшем образовании, *Образование и наука*, т. 21, № 1, с. 9–36. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-1-9-36>
3. Макушева, М. О. и Нестик, Т. А. (2020), Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6, с. 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>
4. Bayer, J. P. (2020), Social Trust as an Intangible Condition for the Quality of Life: Considering After-Pandemic New Norms, *Administrative consulting*, no. 6 (138), pp. 136–140. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-6-136-140>
5. Gillath, O., Ai, T., Branicky, M., Keshmiri, S., Davison, R. and Spaulding, R. (2020), Attachment and Trust, *Artificial Intelligence, Computers in Human Behavior*, pp. 1–48. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106607>
6. Gillespie, N., Lockey S. and Curtis, C. (2021), *Trust in Artificial Intelligence: A Five Country Study*, The University of Queensland and KPMG Australia. <https://doi.org/10.14264/e34bfa3>
7. Thiebes, S., Lins, S. and Sunyaev, A. (2020), Trustworthy artificial intelligence, *Electronic Markets*, no. 31, pp. 447–464. <https://doi.org/10.1007/s12525-020-00441-4>
8. Дедюлина, М. А. (2016), Доверие в мире информационно-компьютерных технологий, *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, № 12 (74): в 3 ч., ч. 3, с. 54–56.
9. Мартянов, В. С. (2017), Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью?, *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, т. 17, вып. 1, с. 61–82. <https://doi.org/10.17506/tyipl.2016.17.1.6182>
10. Петрова, Г. И., Петренко, В. В. и Петров, Ю. Л. (2021), Доверие как иррациональная компонента рацио: значение в конструировании личностной идентичности, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, № 61, с. 54–61. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/7>
11. Чупров, А. (2017), Доверие в тени обмана и веры, *Топос. Литературно-философский журнал*. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/doverie-v-teni-obmana-i-very> (дата обращения: 14.03.2022).
12. Железнов, А. С. (2019), Вера как основание морали: перспективы изменения этики на основе анализа концепций Джеймса и Кьеркегора, *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, т. 3, № 3, с. 57–77. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-57-77>
13. Шибаршина, С. В. (2021), О доверии Google, и не только, *Цифровой ученый: лаборатория философа*, т. 4, № 1, с. 37–44. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-1-37-44>
14. Данилова, А. Е. и Митрухина, С. В. (2021), Доверие как объект теоретического анализа, *Тенденции развития науки и образования*, № 76-3, с. 154–158. <https://doi.org/10.18411/lj-08-2021-115>

15. Костина, А. О. (2020), Эпистемология убеждений: порицание, доверие и эпистемические добродетели субъекта, *Эпистемология и философия науки*, т. 57, № 2, с. 231–237. <https://doi.org/10.5840/eps202057233>
16. Бибихин, В. В. (2005), *Витгенштейн: смена аспекта*, М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы.
17. Тульчинский, Г. Л. (2012), Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества, *Философские науки*, № 11, с. 76–88.
18. Осипов, И. Д. (2010), Личность и цивилизация в философии В. П. Тугаринова, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, № 4, с. 84–89.
19. Карабыков, А. В. (2015), Кризис доверия и трансформация речевой этики в европейском обществе начала модерна, *Человек*, № 1, с. 70–81.
20. Биричева, Е. В. (2021), Римские стоики и японские самураи об экзистенциалах человеческого бытия, *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, № 4, с. 550–560. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-550-560>
21. *Бусидо. Военный канон самурая с комментариями* (2018), пер. Котенко, Р. В., Мищенко, А. А. и Петров, А. А., М.: АСТ.
22. Сенека, Луций Анней. (2001), *Философские трактаты*, СПб.: Алетейя.
23. Бибихин, В. В. (1998–1999), *Онтологические основания правды*. URL: http://www.bibikhin.ru/ontologicheskie_osnovaniya_pravdy (дата обращения: 12.04.2022).
24. Гусейнов, А. А. (1996), *Язык и совесть. Избранная социально-философская публицистика*. М.: ИФ РАН.
25. Марсель, Г. (2004), Творческая верность, в: *Опыт конкретной философии*. М.: Республика, с. 116–136.
26. Бибихин, В. В. (2012), *Собственность. Философия своего*, СПб.: Наука.
27. Биричева, Е. В. (2021), Поиск «своего» как основополагающая экзистенциальная проблема современности, *Цифровой ученый: лаборатория философа*, т. 4, № 4, с. 6–27. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-6-27>
28. Мамардашвили, М. К. (1997), *Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени»*, СПб.: Издательство РХГИ, Журнал «Нева».

Статья поступила в редакцию 2 июля 2022 г.;
рекомендована к печати 3 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Биричева Екатерина Вячеславовна — канд. филос. наук, науч. сотр.; ek.v.bir@gmail.com

Existential sense of trust

E. V. Biricheva

Institute for Philosophy and Law — Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16, ul. Sofii Kovalevskoy, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation

For citation: Biricheva E. V. Existential sense of trust. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 1, pp. 4–17. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101> (In Russian)

Investigating the lack of trust in the contemporary society, researchers tend to use various definitions of trust in their social and cultural studies. Hence difficult is to compare the results of such surveys and to understand the essence of the studied phenomenon clearly. In this regard, the search for the fundamental sense of trust seems to be an urgent task. However, philosophical literature allows to conclude that the category was used as something obvious throughout the history of thought. Philosophers appeared to focus on analyzing phenomena either oppo-

site (lie and deceit), or related but not identical (faith, fidelity, certainty, etc.). Thus, this study is reasonable at the ontological level, using hermeneutic and existential analysis, as a result of which, on one hand, it is possible to show the relation between trust and etymologically related truth, and, on the other hand, to understand its nature and to formulate a definition that reflects its basic sense. Trust is designated as a “switch” into the mode of openness to the light of truth, which does not change either words or state of affairs, but allows to check our own constructs for falsity and unproductiveness. Therefore, trust is offered to be studied not as a characteristic of the relationship to others: the basic background of any relationship is found to be the opening of human being to the “level” of truth as the full scale of reality. In this light, the article demonstrates the existential aspects of trust giving examples of life situations and investigates fears that lead to mistrust. Some recommendations are also formulated for overcoming these fears and for building the most reliable, non-conflict, trustworthy relationships.

Keywords: trust, notion of trust, truth, verity, lie, deceit, openness, check, fear, existential-phenomenological approach.

References

1. Karabykov, A. V. (2017), Under the Sign of “Post-true”: Cultural-philosophical Commentary on the Word-winner of 2016, in: *Rossia i mirovye tendentsii razvitiia. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Omsk: Omskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., pp. 55–60. (In Russian)
2. Ambarova, P. A., Zborovskii, G. E. and Shabrova, N. V. (2019), “Old” and “New” Trust in Higher education, *Obrazovanie i nauka*, vol. 21, no. 1, pp. 9–36. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-1-9-36> (In Russian)
3. Makusheva, M. O. and Nestik, T. A. (2020), Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic, *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye pereмены*, no. 6, pp. 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770> (In Russian)
4. Bayer, J. P. (2020), Social Trust as an Intangible Condition for the Quality of Life: Considering After-Pandemic New Norms, *Administrative consulting*, no. 6 (138), pp. 136–140. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-6-136-140>
5. Gillath, O., Ai, T., Branicky, M., Keshmiri, S., Davison, R. and Spaulding, R. (2020), Attachment and Trust, in: *Artificial Intelligence, Computers in Human Behavior*, pp. 1–48. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106607>
6. Gillespie, N., Lockey, S. and Curtis, C. (2021), *Trust in Artificial Intelligence: A Five Country Study*, The University of Queensland and KPMG Australia. <https://doi.org/10.14264/e34bfa3>
7. Thiebes, S., Lins, S. and Sunyaev, A. (2020), Trustworthy artificial intelligence, *Electronic Markets*, no. 31, pp. 447–464. <https://doi.org/10.1007/s12525-020-00441-4>
8. Dediulina, M. A. (2016), Trust in the World of Information Computer Technologies, *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 12 (74), pt. 3, pp. 54–56. (In Russian)
9. Mart'ianov, V. S. (2017), Trust in Contemporary Russia: Between Late Modernity and New Estate Order?, *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 17, no. 1, pp. 61–82. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.1.6182> (In Russian)
10. Petrova, G. I., Petrenko, V. V. and Petrov, Iu. L. (2021), Trust as an Irrational Component of Rationality: Role in the Construction of Personal Identity, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologiia. Politologiia*, no. 61, pp. 54–61. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/7> (In Russian)
11. Chuprov, A. (2017), Trust in the Shadow of Deceit and Faith, *Topos. Literaturno-filosofskii zhurnal*. Available at: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskoe-progulki-doverie-v-teni-obmana-i-very> (accessed: 14.03.2022). (In Russian)
12. Zheleznov, A. S. (2019), Faith as the Basis of the Moral: Prospect of Changing Ethics Based on the Concepts of James and Kierkegaard, *Filosofiiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 3, no. 3, pp. 57–77. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-57-77> (In Russian)
13. Shibarshina, S. V. (2021), About Trust in Google, and More, *Tsifrovoy uchenyi: laboratoriiia filosofa*, vol. 4, no. 1, pp. 37–44. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-1-37-44> (In Russian)

14. Danilova, A. E. and Mitrukhina, S. V. (2021), Trust as an Object of Theoretical Analysis, *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, no. 76-3, pp. 154–158. <https://doi.org/10.18411/lj-08-2021-115> (In Russian)
15. Kostina, A. O. (2020), Epistemology of Belief: Blameworthiness, Credibility and Virtues of Epistemic Agent, *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 57, no. 2, pp. 231–237. <https://doi.org/10.5840/eps202057233> (In Russian)
16. Bibikhin, V. V. (2005), *Wittgenstein: Change of Aspect*, Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ. (In Russian)
17. Tul'chinskii, G. L. (2012), Trust and Civic Identity as Factors of Russian Society's Consolidation, *Filosofskie nauki*, no. 11, pp. 76–88. (In Russian)
18. Osipov, I. D. (2010), Personality and Civilization in the Philosophy of Vasiliy P. Tugarinov, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 4, pp. 84–89. (In Russian)
19. Karabykov, A. V. (2015), The Crisis of Confidence and Transformation of Speech Ethics in the Early Modern European Society, *Chelovek*, no. 1, pp. 70–81. (In Russian)
20. Biricheva, E. V. (2021), Roman Stoics and Japanese Samurai on the Existentials of Human Being, *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, no. 4, pp. 550–560. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-550-560> (In Russian)
21. *Bushido. Military Canon of the Samurai with Comments*. (2018), transl. by Kotenko, R. V., Mishchenko, A. A. and Petrov, A. A., Moscow: AST Publ. (In Russian)
22. Seneca, Lucius Annaeus (2001), *Philosophical treatises*, St Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian)
23. Bibikhin, V. V. (1998–1999), *Ontological Grounds of Truth*. Available at: http://www.bibikhin.ru/ontologicheskie_osnovaniya_pravdy (accessed: 12.04. 2022) (In Russian)
24. Guseinov, A. A. (1996), *Language and Conscience. Selected Socio-philosophical Publicism*, Moscow: IF RAN Publ. (In Russian)
25. Marcel, G. (2004), Creative Fidelity, in: *The Experience of the Concrete Philosophy*, Moscow: Respublika Publ., pp. 116–136. (In Russian)
26. Bibikhin, V. V. (2012), *Property. Philosophy of "the Own"*, St Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
27. Biricheva, E. V. (2021), Search for "the Own" as the Fundamental Existential Problem of Contemporaneity, *Tsifrovoy uchenyi: laboratoriya filosofa*, vol. 4, no. 4, pp. 6–27. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-6-27> (In Russian)
28. Mamardashvili, M. K. (1997), *Psychological Topology of the Path: M. Proust "In Search of Lost Time"*, St Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, Zhurnal "Neva" Publ. (In Russian)

Received: July 2, 2022
Accepted: November 3, 2022

Author's information:

Ekaterina V. Biricheva — PhD in Philosophy, Researcher; ek.v.bir@gmail.com